

«СЧИТАЕТСЯ, что в Англии лишь около 20 процентов мальчиков способны одолеть курс средней школы», — пишет в своей книге «Предвидимое будущее» видный английский физик, лауреат Нобелевской премии Дж. Томсон (о девочках он даже не упоминает, полагая, видимо, что с ними дело совсем безнадежное). Не будем спорить, насколько верна эта цифра. По правде сказать, вся многолетняя практика воспитания и обучения в нашей школе основательно ей противоречит. Но не об этом речь. Важно, что какая-то часть школьников действительно лидирует, резко обгоняя в знаниях остальных. Какая — неизвестно. Тревогу у нас обычно вызывают другие дети — трудные, второгодники. Все споры, все сражения наши, все цифры и подсчеты — там.

Но вот в «ЛГ» появилась статья нескольких ученых-математиков, всерьез озабоченных участью как раз благополучного меньшинства. По их мнению, этим ребятам везет не более, чем чистокровным скакунам, которых впрягли в тяжелую несмазанную телегу. Ученые усматривают в этом факте реальную угрозу для будущего науки. Да и не только науки.

«Гонка умов» — мелкоуло выражение во время нашего обсуждения. По мнению некоторых его участников, гонка такого рода играет ныне в судьбах государств превеликую роль. Та страна, что обеспечит у себя наивысший научный потенциал, окажется, как говорят математики, по всем параметрам впереди.

Вот к какой аналогии прибегают, зная слово, один из авторов статьи «А двоечник спокоен...».

доктор

физико-математических наук

Н. ВИЛЕНКИН:

«Группе людей из пункта «А» надо попасть в пункт «Б» и удержать его. Возможны три стратегии. Первая: несколько быстрых вырываются вперед и захватывают пункт. Но их слишком мало, чтобы удержать занятые позиции. Современная наука не может быть создана усилиями одиночек. Применительно к нашему разговору это означает, что даже тех специальных школ, что созданы у нас для одаренных в математике и физике, может оказаться недостаточно.

Наша школа в общем-то придерживается второй стратегии, равняющейся на самых медленных. Можно ругаться, что из пункта «А» все падают в «Б» — если, однако, они не окажутся уже занятым. Мы пытались найти третий путь, при котором пункт «Б» был бы занят своевременно и достаточно большими силами.

Проблема упирается в вопрос о всеобщем среднем образовании. Мне лично он представляется значительно более сложным, чем многим. Если можно говорить об ОБЯЗАННОСТИ каждого получить восьмилетнее образование, то в отношении среднего речь должна идти, по моему, лишь о ПРАВЕ на него. Точка зрения, что каждый обязан окончить десять классов, НЕИЗБЕЖНО ПРИВЕДЕТ К СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ ТРЕБОВАНИЙ. К СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ.

Вот откуда наши предложения создать во всех школах разные, по степени способности ребят, классы и ввести экзамены при поступлении в школу второй ступени.

Убедительно? Да. Хотя тут же просится и возражение. Все-то мы норовим задачи школы свести к ее служебной функции — подготовке детей к взрослой производительной роли. Между тем лучшие педагоги во все времена не устали подчеркивать, что в школе больше, чем где бы то ни было, цель — собственно человек. И «свою» часть жизни человека она должна делать по возможности более полной и счастливой. Предлагаемая система способным детям, несомненно, сулит немало благ. Ну, а что она принесет другим?

Незадолго до опубликования статьи «А двоечник спокоен...» многие из нас прочитали пронзительно грустную повесть американской писательницы Бел Кауфман «Вверх по ведущей вниз лестнице». Героиня ее, новоиспеченная учительница,

приезжает в школу, где царит как раз то разделение по способностям, которого так хотят ученые-математики. Откроем вместе с Сильвией Баррет, так зовут учительницу, классный ящик пожеланий, заглянем в адресованные ей каракули: «Уроки очень интересные, особенно если приходил в класс. Я желаю себе лучшей посещаемости. — Отсутствующий». «Язык и литература — муча. Я надеваю темные очки, чтобы спать во время этой муча. — Мура-Вей». «Сгнили Ни с места! — Отрава». Вот он — западный образец, к которому стоит присмотреться, ибо рассказывает о нем человек тонкий, не свыкшийся еще со школой настолько, чтобы утратить способность взглянуть на нее свежо.

класс «отстающих». Однажды попавший туда — даже по случайным обстоятельствам — застринет там навечно, на всю его школьную, и не только школьную, жизнь. Лет пять тому назад мы создали математическую группу, отобрав из трех классов один отборный. Эксперимент оказался неудачным. И дело не в том, что в отборном классе появились неуспевающие. Главное, что те два класса, из которых мы изыскали самую активную и умную часть ребят, оказались в самом бедственном положении. Исчезли все стимулы учения: никто не задавал тон, не за кем было тянуться, некому позавидовать».

Учительница Л. ОЧАКОВСКАЯ:

«И учитель-то в таком классе задохнется. Обучение — процесс взаимный: искру выскакивает только столкновение! Если класс не будит мысли учителя, то и учитель не много мыслей разбудит у ребят».

К слову сказать, англичане, у которых спокон ве-

литехнического образования и чрезвычайно расширила базу рождения талантов, в том числе и математических. «Мешают двоечниками не рождаются. Двоечниками делаются. Двоечником — это человек, в котором убито, умерщвлено желание учиться, воспитано равнодушие, а то и отвращение к учебе. Вот и стоило бы задуматься — ОТКУДА ИБЕРЕТСЯ ЭТОТ КАЗАЛОСЬ БЫ, СОВЕРШЕННО НЕОБЪЯСНИМЫЙ В ЦИВИЛИЗОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ ФЕНОМЕН? Очень тревожный феномен!

Авторы же статьи не имеют целью испортить существующее положение вещей. Как раз наоборот: все предлагаемые ими меры сводятся к тому, чтобы формально узаконить создающуюся ситуацию. То, что они принимают и выдают за «идеал», на самом деле апология отрицательных тенденций в организации нашей школы, связанных с недостатком сил, средств и умения полностью, на деле реализовать всеобщее, — превращение нужды в добродетель».

ежедневно заставлял под палкой есть какую-нибудь траву, оно не только не поправится, но умрет. Между тем мы ежедневно позволяем себе поступать так по отношению к детям.

В первый класс ребята бегут и думают, что их там ждет счастье. Проходит год — другой — держатся, третий — держатся кое-как, на четвертом охота к учению у многих пропадает. Почему? По злому умыслу ребят? Ничего подобного!

Мы не умеем преподавать детям знания. Наша начальная школа — школа ремесленная. Она не раскрывает ребятам даже того, о чем им толкуют в научно-популярных передачах по телевизору. Им интереснее прочитать книжку по ботанике, вышедшую в издательстве «Детская литература», потому что там есть современные науки, раскрываются общие положения, есть обобщения — словом, там надо думать, а в школе — лишь зубрить соответствующие знания. Как же не пропасть желанию учиться?

Однако ему резонно возразила

писательница Л. КАБО:

«Есть педагогическая элита, но ведь есть и провинция, даже в столице. И вот в этой педагогической провинции с процентоманней вообще не покончено — она существует как первостепенное зло».

Молоденькая учительница пришла ко мне недавно и говорит: «Что делать? Я сказала, что ребятам, которые не делают чертёжи, за четверть поставлю двойник. А директор и завуч запрещают».

Разговор у нас был нешуточный. Целая педагогическая судьба решалась в ту минуту — или она расцветет, или сломается. Я сказала: поступи, как хочешь, но помни: если думалось быть хорошим педагогом — наберись мужества на всю свою жизнь».

Если мы сейчас говорим о двойниках — это прежде всего вопрос о процентомании, какие бы иные глубины ни раскрывались в этом споре.

О вреде процентомании все сказано. И хотя, как заметила Л. Очаковская, приказы министерства как будто «манию» отменили, — процент остался. А с ним — и драма фальшивой тройки, автоматически влекущей за собой завышенные четверки и не очень достоверные пятёрки; и вся смеховторность контроля, единственного в своем роде, когда репутация учителя сосредоточена на кончике пера его же собственной ручки.

Общее мнение участников совещания: этот гордиев узел надо рубить. А второгодничество, одной веревочкой с «процентом» связанное, — сколько еще с ним мучиться?

«Можно было быть плохим по одному предмету и выдвигаться по другому — это не только не угрожало вам какими-либо неприятностями... а даже привлекало к вам особое внимание: не талант ли?» — пишет П. К. Анохин в книге «Иван Петрович Павлов». Так, наверное, и должно быть. Редко встречаются дети, равно высокоодаренные во всех областях. Но редко учителю приходится терпеть и ребят, не успевающих ни в чем. Обрекать ученика из-за отставания по двум предметам на второгодничество по всем остальным, — это все равно что больного гриппом лечить рентгеновскими лучами.

В иных случаях надо переводить с двойкой — в этом ученые-математики встретили почти полную поддержку учителей. Чего боимся? Кто-то из ребят не вытянет, отстанет? Но разве лучше внушать ребенку губительную мысль: ты не можешь!

...Подумать только, — сколько лет всем этим разговорам! В подшивках «Литературной газеты» легко найти статьи о двойке и второгодничестве двухгодичной, пяти- и даже восьмилетней давности. Уже тогда все они кончались словами: мол, пришло время решать. Столько лет прошло! Неужели и через десять лет снова придется возвращаться к этим же проблемам, снова взывать: пришло время!

БЫЛ поздний час. Но спорщики не спешили расходиться. Как и положено на совещаниях, началась работа «секций». Схватились напоследок Н. Виленин и Э. Ильенков и собрали слушателей. Образовалась группа и возле Д. Эльконина... Слишком мало было вопросов. И пусть не удалось поставить все точки над «i», и пусть даже не впервые обсуждаются эти проблемы, основания для пессимизма не так уж много. Есть идеи, которыми увлечено время. Проблемам обучения сейчас посвящаются международные симпозиумы, сессии ученых. Упорно, неотвратимо, увлечено время, передовая педагогическая мысль движется вперед.

Заседание «Дискуссионного клуба» провела

Т. СНЕГИРЕВА

Дискуссионный клуб «ЛГ»

Несколько месяцев на страницах нашей газеты длился спор о школе. Зачинатели дискуссии — ученые-математики — вынесли на общий суд свои предложения: разделить классы по уровню способностей ребят, сделать двойку переводной отметкой, ввести экзамены при поступлении в девятый класс...

Тема увлекла не только учителей, но и ученых, преподавателей вузов, родителей. Мнения многочисленных участников разговора противоречивы.

Дискуссия, начатая на страницах газеты, была продолжена в редакции. В обсуждении участвовали: писатели — В. Тендряков, Г. Медынский, Л. Кабо, О. Высотская; учителя — С. Гуревич, Э. Костяшкин, М. Ценципер, Л. Очаковская; ученые — математик Н. Виленин, философ Э. Ильенков, психологи — Д. Эльконин и В. Давыдов и другие.

И ТАК, как ни велика наша тяга к новым идеям в области образования и ни сильна жажда перемен, голоса ученых-математиков в пользу хирургических методов в школьном деле остались одиночками. Однако критическая нота в разговоре не заглухла. Был предложен иной вариант решения задачи, условия которой так четко обозначил Н. Виленин.

Да, «гонка умов» в современных государствах выливается в соревнование не единиц, а научных масс. И чем дальше, тем больше будет потребность в способных, знающих людях во всех областях знаний. Но из этого вытекает необходимость решительного подъема качества обучения в нашей самой обыкновенной школе, такой, как она есть.

Писатель В. ТЕНДРЯКОВ:

«КАК учить и ЧЕМУ учить? И дело вовсе не только в том, что много программной тухли, — сам подход к обучению убивает в ученике человеческое. ЗАУЧИ «идейное содержание» литературного произведения. ЗАУЧИ формулу. Не смей испытывать никаких чувств. Не смей самостоятельно мыслить. Убивается чувство, убивается самостоятельная мысль. Мне приходится стилизоваться с программой по литературе, и я прихожу иной раз к выводу, что лучше уж совсем не преподавать литературу, чем сейчас преподавать. Мы просто портим врожденный вкус детей. До сих пор их натаскивают, пологий или не пологий, прогрессивный или не прогрессивный образ Евгения Онегина, и стараются втолковать определенную формулу, что он де типичный представитель «лишних людей» в России. Увы, подобный подход не прививает любви к творчеству Пушкина. Но именно так, на полном серьезе, ожесточенно, трагически драгоценное время, изучая литературу, и, наверное, не только литературу, наш ученик».

Надо бить в набат. Надо изменить не только программу обучения, но и все обучение. А вот какой точки зрения придерживается ученый — руководитель лаборатории Института психологии, исследующей возрастные возможности усвоения знаний, доктор психологических наук Д. ЭЛЬКОНИН:

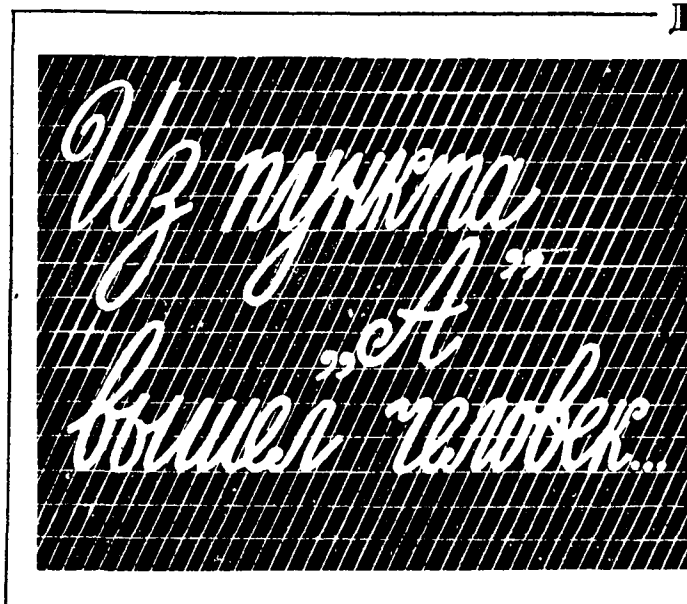
«Когда я слышу разговоры о том, что ребята не хотят учиться, то неизменно вспоминаю один афоризм Эйнштейна: если даже животное

Создать сильную, отвечающую требованиям современности школу очень не просто, но, по мнению участников разговора, это единственный приемлемый путь. Кстати, он существует не только в мечтаниях ученых и передовых учителей, но и в реальных экспериментах советских психологов, и в практике уже многих школ, где подобные исследования осуществляются. Чему учить — как сделать, чтобы дети узнавали в школе не исчерпывающую сумму фактов, а ключ к познанию, когда учить — каковы возрастные возможности усвоения знаний — вот направление этих исследований.

Идет и еще один поиск, и очень настойчивый: профессионально-технические училища начинают давать среднее образование своим учащимся. «ЛГ» не раз выступала со статьями, авторы которых ратовали за расширение сети подобных училищ. Ведь, действительно, ребят иной раз в девятый класс гонит не одержимая устремленность именно к школьному образованию, а то удручающее обстоятельство, что больше и податься некуда, и неучем вроде оставаться не хочется — стыдно. Предложение ученых о расширении сети училищ со средним образованием в этом смысле имеет важнейшее значение.

СТАРУШКА «процентомания» могла быть довольна. Нырнув в глубины дискуссии, спорщики совсем о ней забыли. И, возможно, так бы и не вспомнили, если бы не извечный ее враг: двоечник. А он настырно напоминал о себе заголовками с газетных полос, разбросанных на столе: «двоечник спокоен», «двоечник волнуется», «двоечник становится отличником». И все вдруг всполошились, и каждый затормозился высказаться. Действительно, когда большая и трудная задача — всеобщее — подменяется желанием свести концы с концами только на бумаге, сама идея, по существу, обращается во вред.

Впрочем, не преувеличиваем ли мы сейчас опасность процентомании (столько приказов было, ее отмечаящих)? Кто-то из участников разговора высказал подобное предположение.

Но ведь этот класс ОО (что значит «особо отстающие»), в который учителя входят, настороженные, как дрессировщики в клетку к тиграм, — этот класс и есть темная изнанка того идеала, что рисуют нам ученые-математики.

Кто будет осуществлять отбор детей? По какому принципу? Есть ли средство, помогающее избежать, по мнению многих, неизбежных в этих случаях, ломанных жизней ошибок? Наставшая на раннем, как то велит математика, отборе талантов, на что обрекают ученые других детей, особливости и одаренности которых должны выявиться позже? Как бы они обогались, допустим, с Артуром Рембо, чей талант в поэзии прорвался фейерверком только к семнадцати годам? В какую бы категорию у них попали Дарвин, Толстой, Эйнштейн, которые как будто отнюдь не блистали в годы ученья?

Но отойдем от известных примеров. Обратимся к практике наших дней.

Писатель Г. МЕДЫНСКИЙ:

«Среди недавних лауреатов Государственной премии есть фамилия человека, который послужил прообразом моего Бориса Кострова из «Повести о юности». В школе он полз с двойки на тройку, но был мальчишкой, полным энергии: любил общественную работу, футбол, товарищей... И ребята любили его. После школы он пошел в Горный институт. Я как-то спросил: «Почему?» В ответ услышал неожиданное: «Потому что там трудно. Я очень безвольный, а там и учиться, и работать трудно».

Очень важно видеть в ребенке растущее существо: сегодня он может в чем-то и отставать от других, а завтра — переиграть многих и многих».

Видимо, есть вещи, без которых любые практические меры, оценки, проценты теряют свой смысл... Правда, авторы статьи «А двоечник спокоен...» утешают нас: ни для кого-де не закрыт переход из класса для отстающих в класс активных. Но не самообман ли это?

В спор, который начался между участниками дискуссии, вступает

И. ПИРАТИНСКИЙ:

«Никаких таких передвижений из класса в класс быть не может. Это сказки. Слабые ученики, обремененные программами, замедленные темпы, не лучшие в массе своей учителя — вот что таков

ку господствует сильно дифференцированная система обучения, давно уже не питают на ее счет никаких иллюзий. Тот же Дж. Томсон пишет о «скверных последствиях», которыми она чревата: сохранение ее на протяжении жизни еще нескольких поколений, по мнению ученого, увековечит пропасть между отдельными общественными группами, причем социальные низы останутся «внизу» в самом прямом смысле слова: усугубятся и генетические различия между людьми. В сочетании с некоторыми другими причинами все это, как признает сам Томсон, создаст даже тенденцию к понижению(!) интеллектуального уровня нации (финал, вероятно, несколько неожиданный для тех, кто с помощью дифференциации по уровню способностей рассчитывает добиться противоположного результата).

Но даже если не заглядывать так далеко... Мыслимо ли так, чтобы в нашей стране, столько крови пролившей во имя уничтожения всякого неравенства, установилось самое несправедливое неравенство на свете — детское? Об этом с тревогой говорил

старший научный сотрудник Института философии Э. ИЛЬЕНКОВ:

«Надо ясно себе представлять, кого мы хотим получить «на выходе» из школы. Если профессионально вышколенных математиков, балерин, продавцов и шоферов, то логика ученых-математиков оправдана, нужно сортировать детей на категории «А, Б, В, Г» и подвергать ранней специализации. Но тогда почему бы не осуществлять все это уже с самого начала — с первого класса? Или с детского сада?»

«Смелый новый мир» Олдоса Хаксли — вот что тогда получится! Если же мы собираемся вырастить не узких профессионалов, а прежде всего граждан, тогда надо заботиться о том, чтобы всем детям без исключения обеспечить самое широкое, самое разнообразное, самое серьезное общее образование».

А уж на этой базе и о специализации можно подумать. И не следовало бы забывать про тот очевидный факт, что все выдающиеся успехи нашей сегодняшней науки и техники — это в значительной мере результат социальных преимуществ наших школьников 20-х и 30-х годов, которая — несмотря на все ее недостатки — впервые в истории реализовала принцип всеобщего, всеохватывающего по-